

В.П. Абраменко
ИКСА РАН

ДАОССКИЙ ПРИНЦИП АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. определяя существенные стороны христианского и даосского учений, яснополянский мудрец Л.Н. Толстой раскрывает их глубинный смысл. Привлекая фрагменты перевода одного из основных канонов даосизма «Дао дэ цзин», яснополянский мудрец сравнивает учение Лао-цзы с христианским учением и рассуждает о телесной и духовной жизни человека. Толстой отождествляет Небо с Дао и приравнивает Дао к Богу. По Толстому, посредством любви Человек воссоединяется с Богом, любовь же достигается на пути к Богу отстранением от всего телесного (личного). Размышления Толстого о духе и теле в учении Лао-цзы по сути своей представляют концептуальную духовную максиму. Проецируя ее на эмпирический мир, писатель подразумевает под телесным благом — страдание, горе, болезнь, смерть; под духовным благом — отсутствие таковых. Принимая во внимание даосский принцип антропоцентризма, Толстой помимо идеи расположения человека в центре природного и социального мироустройства декларирует и то, что человек объединяет в себе две стороны: духовное единство и телесную множественность. Находясь в центре, он играет роль субъекта, гармонизирующего мир. В случае нарушения гармонии между сторонами человек обязан искать пути их уравнивания.

Ключевые слова: антропоцентризм, Дао, учение Толстого, Лао-цзы.

Vladimir P. Abramenko
ICCA RAS

Taoist principle of anthropocentrism in the teachings of L.N. Tolstoy

Abstract. the report traces how the writer L. N. Tolstoy, defining the essential aspects of the Christian and Taoist teachings, reveals their deep meaning. Drawing on fragments of the translation of one of the main canons of Taoism «Tao de jing», the Yasnaya Polyana sage compares the teachings of Lao-zi with Christian teaching and discusses the bodily and spiritual life of a person. Tolstoy identifies Heaven with Tao and equates it with God. According to Tolstoy, through love a person is reunited with God, but love is achieved on the way to God through abstinence from everything bodily (personal). Tolstoy's reflections on the spirit and the body in the teachings of Lao-zi are essentially a conceptual spiritual maxim. Projecting it onto the empirical world, the writer means by bodily good — suffering, grief, illness, death; by spiritual good — the absence of such. Taking into account the Taoist principle of anthropocentrism, Tolstoy, in addition to the idea of placing a person at the center of

the natural and social world order, declares that a person combines two sides: spiritual unity and bodily multiplicity. Being in the center, he plays the role of a subject that harmonizes the world. In case of violation of harmony between the parties, a person is obliged to look for ways to balance them.

Keywords: anthropocentrism, Tao, Tolstoy's teaching, Lao-tzi.

Генезисные корни даосизма находятся в предфилософских идейных образованиях. Из них даосизм наследует и антропоцентричность. Человек является составной частью мировой триады Небо—Человек—Земля и находится в центре этой триады. Размещение Человека в середине предоставляет ему возможность видеть, что происходит вовне, и считывать с узоров Неба и Земли гармонию культуры Дао [Лукьянов 1993, 19]. Небо устанавливает для Человека этические нормы, эстетические идеалы, которые находят воплощение в культуре, т. е. Небо дает Человеку духовность. Земля дарует ему телесность, а в своей душевности Человек совмещает в себе духовность и телесность. Середина, являясь мерой равновесия, порядка и гармонии, определяет всю мыслительную парадигму даосского философского сознания.

Л.Н. Толстой в небольшом предисловии к книге «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе», привлекая фрагменты перевода одного из основных канонических даосизма «Дао дэ цзин», сравнивает учение Лао-цзы с христианским учением и пишет о телесной и духовной жизни человека. Маркируя таким образом диадой: тело — дух, Яснополянский мудрец определяет существование этих двух учений: «Сущность и того и другого учения в том, что человек может сознавать себя и отделенным и нераздельным, и телесным и духовным, и временным и вечным, и животным и божественным» [Толстой 1911, 10]. Резюмируя итог сопоставления двух учений, Толстой подчеркивает, что Лао-цзы наставляет, как с помощью Дао «переходить от жизни тела к жизни духа». Лев Николаевич оттеняет мысль, что телесная жизнь ведет к разъединению людей, превращая их в алчущее множество, а духовная жизнь способствует их единению.

Рассуждения Лао-цзы о телесности человека подводят его к очевидному выводу: человеку, пока он жив, с телом не развязаться. Только надбестелесным смерть и страдание не имеют власти: Эту идею Лао-цзы использует в трактате «Дао дэ цзин»: «Бестелесное не подвержено гибели» [Лукьянов 2008, 74]. Это смысловая формула в данном случае соотносится с двумя ипостасями постоянного Дао: вневещественным (духовным) качеством вечного Дао, открывающим дверь созерцания единого, и чувственной (телесной) стороной вечного Дао, открывающим врата созерцания множественного.

Толстой, используя для своих выводов текст канона «Дао дэ цзин» и определяя, как было сказано выше, существенные стороны христианского

и даосского учений, не упускает глубинный смысл «телесного многого» и «духовного единого». Слова Лао-цзы о духе и теле по сути своей представляют концептуальную духовную максиму. Проецируя ее на эмпирический мир, подразумеваем под телесным благом — страдание, горе, болезнь, смерть; под духовным — благо без страдания, без болезни и смерти. Последнее положение Лао-цзы отображает онтологически: надо жить как Небо и Земля — не для себя, оставляя в стороне личное, только тогда можно достигнуть долговечности и добиться воплощения личных чаяний: «Извечно Небо, долговечна и Земля, / Земля и Небо таковыми могут быть, / Живут поскольку для других, не для себя, / Вот потому они и могут вечно жить... / Кто так по жизни шествует, тот впереди — / Осуществить сумеет замысли свои» [Лукиянов 2008, 57].

Толстой отождествляет Небо с Дао и приравнивает к Богу. По Толстому, посредством любви Человек на пути к Небу (он же Дао) воссоединяется с Богом. Любовь же достигается воздержанием же от всего телесного (личного). В записях у Толстого находим: «Путь этот, по учению Лао-Тзе, состоит в том, чтобы... как можно меньше делать то, что хочет тело ... чтобы не заглушить того, чего хочет душа» [Толстой 1911, 8]. Здесь Толстой отдает приоритет «жизни для духа», а не «жизни для тела». Авторство этому приоритету он приписывает и Лао-цзы, который, по словам Толстого, учит переходить от «жизни для телесного» к «жизни для духовного». Толстой вслед за Лао-цзы, отеняя существенные стороны даосского и христианского учений, отмечает, что телесная жизнь разъединяет людей, где они, стремясь к личному благу, погружаются во зло и превращаются в алчное разрозненное множество; духовная же жизнь смыкает людей ради общего блага.

Таким образом, принцип антропоцентризма помимо идеи расположения человека в центре природного и социального мироустройства подразумевает и то, что человек объединяет в себе две стороны: духовное единство и телесную множественность. Находясь в центре, он играет роль субъекта, гармонизирующего мир. В случае нарушения гармонии между сторонами человек обязан искать пути их уравнивания. Эти идеи и заимствовал Толстой из даосского принципа антропоцентризма, формулируя свою религиозно-этическую концепцию.

Библиографический список

Лукиянов А.Е. Дао книги перемен. М.: ИНСАН, 1993.

Лукиянов А.Е. Дао дэ цзин. М.: Стильсервис, 2008.

Толстой Л.Н. Изречения китайского мудреца Лао-Тзе. М.: Посредник, 1911.

URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003785711/